

гиперболизм литературного рассказа, притворство побеждено. Прямой связи с литературным источником нет: притворную смерть обнаруживают в сказке проще.

Среди русских сказок о проделках ловкого солдата, обманывающего глупую женщину, одна рассказывает, как солдат просится у старухи переночевать. Она спрашивает: «Да ты откудова? — Я, бабушка, Николец, с того свету выходец. — Ах, золотой мой! У меня сыночек помер, не видал ли ты его?». Солдат уверяет, что жил с ним вместе, что он «журавлей пасет» и «обносился, совсем в лохмотьях». Старуха отдает ему для сына «аршин сорок холста да рублей с десятков денег». Солдат уходит, а потом приезжает сын.⁷ В Погодинском списке рассказ «О старухе» (№ 225) построен на игре слов «Париж — парадис», т. е. рай. Диалог между героем-студентом и старухой развивается так: «...я иду в Париж». Старуха думает, что он идет «в парадис, на тот свет в рай, с великою просьбой просила студента, чтоб он несколько отнес денег и платья мужу ея, понеже уже тому год, как мой покойной муж на тот свет в парадис или в рай пошел, а я к нему ничего не послала». Студент взял деньги и платье и «пошел в Парижскую академию; платья денги, обучался и стал быть славной учитель». Вряд ли и в этом случае можно устанавливать прямую зависимость сказки от литературного источника: речь может идти лишь о сходных сюжетах.

Вскоре после перевода немецкого текста сорок рассказов было отобрано авторами двух групп стихотворных («забавные» и «фигурные») жарт⁸ — жанра, характерного для демократической литературы XVIII в. Эти жарты, сохранившиеся в большом количестве списков XVIII в., строились и на фольклорных материалах, и на печатном источнике, каким был переведенный в 1747 г. с французского языка С. Волчковым сборник «Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа» (переизданный в 1760, 1762, 1775 и 1810 гг.).⁹ Сопоставление жарт с рассказами сборника, переведенного с немецкого языка, показывает, что автор, иногда свободно обращаясь с содержанием своего источника (снимает историческое и географическое приурочение событий, то упрощает, то иногда расширяет отдельные эпизоды), все же сохраняет прямую текстуальную

⁷ Афанасьев А. Н. Пародные русские сказки, т. 3. М., 1957, с. 179 и вариант — с. 432.

⁸ Общую характеристику этого жанра см. в моих статьях «Фольклорные сюжеты стихотворных жарт XVIII века» (в кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.—Л., 1959, с. 44—51) и «Стихотворные жарты XVIII в. и традиции древнерусской литературы» (в кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век. Сб. 7. М.—Л., 1966, с. 36—42).

⁹ См. мою статью: Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века. — Изв. ОРЯС, 1929, т. 2, кн. 2, с. 377—400.